

О ДВУХ «ПИСЬМАХ» В РЕДАКЦИЮ «КОЛОКОЛА»

Сообщение Е. Г. Бушканца

Два «письма» к Герцену — «Письмо из Петербурга» и «Письмо к редактору», опубликованные в 1858 г. в «Колоколе», — являются ценными, но полузабытыми памятниками русской революционно-демократической мысли конца пятидесятых годов.

Нельзя сказать, что эти «письма» оставались совершенно обойденными исследователями; в ряде работ, посвященных общественной мысли пятидесятых-шестидесятых годов, они упоминались и цитировались. Но ни на тот, ни на другой документ не было обращено того внимания, какого они заслуживают.

Значение этих документов состоит в том, что их авторы с революционно-демократических позиций оценивают обстановку в России в целом и подготавливаемую правительством крестьянскую реформу — в особенности, подвергают критике либеральные иллюзии Герцена и Огарева и, несмотря на отдельные проявления непоследовательности, прямо призывают «к топору» — к крестьянской революции.

Первое письмо, относящееся к маю 1858 г., появилось в «Колоколе» 15 сентября 1858 г. (л. 23-24, стр. 188—190) вместе с другим письмом под общим заголовком «Опоздавшие письма из Петербурга». Поводом для этого письма послужили начавшие появляться в «Колоколе» «гимны властям предрежащим». «Что это такое? — обращается автор письма к Герцену. — Каковы действия этого разного государственного сора ихлама, который давит бедную Россию, вы не знаете настолько, чтобы позволить себе писать похвалы им в ваших изданиях, где похвала незаслуженная вреднее неправого порицания, потому что она более или менее имеет характер примирения с существующим порядком управления, с людьми, стоящими во главе этого управления». Почему «Колокол» объясняет некоторые распоряжения «началами благородства и гуманности», которые приписывает правительству? Разъясняя истинную подоплеку некоторых правительственных распоряжений, например, уничтожения звания кантонистов и военных поселений, автор письма обращается к Герцену: «Ради бога, не облагораживайте произвольными вашими толкованиями действий нашего правительства (<...> Неприятно и грустно нам видеть, что вы влагаете в ножны меч, поднятый для истребления гадов, наполняющих Россию. Ни одного удара — и уже примирение...». Цель автора письма — помочь Герцену избежать «примирения». От имени «братьев по духу», горячо любящих Герцена, он обращается к нему с «опытом и убеждением», советуя продолжать «добро и благородно начатое для блага России дело. Бейте нещадно всех этих государственных фигляров, злодеев, вампиров, сосущих кровь и поедающих плоть народа русского. На казнь их, на лобное место, всех, одного за другим, наружу все их злодеяния и подлости. Долой с них маску! Покажите эти пугала на посмешище и омерзение народу. Это одно спасет Россию...».

Вместе с тем, в письме содержались упреки в том, что некоторые корреспонденции, отправленные в «Колокол», не были там напечатаны. Автор письма заявлял, что «получаемое из России» — не собственность Герцена, а «достояние всей России». Что же касается истинности присылаемых материалов, то автор письма указывал: «Не беспокойтесь за истину; народ сам будет критиком сообщаемых ему фактов, он чутьем отыщет правду. Эта правда на спине его».

Герцен ответил небольшой заметкой «От редакции», помещенной вслед за цитируемым письмом. Письмо он назвал «довольно резким отголоском мнения, которое мы не можем не уважать», и во имя «общего дела нашего» просил выслушать несколько его замечаний. Приветствия по адресу Александра II Герцен объяснял «безусловной искренностью» своих надежд на то, что, начиная освобождение крестьян и ряд реформ, царь руководствовался желанием принести благо России. Но Герцен решительно устранял опасения автора письма, усмотревшего в приветствиях царю «какую-то заднюю мысль — возвращаения». «Мы ничего личного не вводили в наши публикации, — заявлял Герцен. — Как ни тяжела разлука с родным краем, но мы никогда не купим уступкой убеждений право возвращаения». Отвергал Герцен и обвинения в установлении собственной «цензуры». «Мы совершенно не согласны с автором, что наша обязанность — все печатать, что нам присылают, без малейших изменений, урезываний». Он ссылаясь при этом на «нравственную ответственность» за публикуемые материалы, лежащую на редакции.

Но Герцен в своем ответе на письмо из «дружеского стана» (как он его называет) прошел мимо содержащегося в нем указания на возможность революционного взрыва, на то, что царь боится «топора». «Припомните слова царя по этому обстоятельству к московскому дворянству перед коронацией. Неужели еще можно сомневаться?» — говорилось в письме.

Это место о «топоре» как средстве решения крестьянского вопроса исключительно важно. Мысль о том, что только при помощи «топора» — крестьянской революции — можно решить стоявшие перед Россией того времени общественно-политические задачи, объединяет «Письмо из Петербурга» с другим документом, напечатанным 10 октября 1858 г. в следующем листе «Колокола» (л. 25, стр. 201—208) под заголовком «Письмо к редактору». Автор этого письма говорит о «топоре» в той же связи с московской речью Александра II перед коронацией. Он приводит секретный документ по цензурному ведомству, где от имени царя осуждаются статьи, в которых «излагается необходимость освободить крестьян вполне от *всякой* зависимости помещиков», и делаются попытки «доказать *право собственности* крестьян на помещичью *землю* и на приобретение усадеб в собственность без выкупа»; документ содержит высочайшее повеление не допускать в дальнейшем подобных «нелепых толков». Распоряжение это «ясно доказывает, — говорится в «Письме к редактору», — что Александр II никак не признает необходимости освободить крестьян вполне от всякой зависимости от помещиков и никак не признает прав крестьян на землю...». Царь не признает этого, а бедные крестьяне ждут манифеста о полном их освобождении с землей, надеясь на отеческую любовь царя к ним. «Ждите, бедные труженики! — говорится в письме. — Не дожидаться вам этого дня: царь, тот самый царь, который в марте 1856 года говорил дворянам в Москве — лучше отменить крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно само собою начнет отменяться снизу, — тот же царь, теперь, надежду вашу на свободу называет *нелепым толком* и объявляет, что она вряд ли когда может осуществиться. Слышите ли, бедняки, нелепы ваши надежды на меня, — говорит вам царь. На кого же надеяться теперь! На помещиков? Никак — они заодно с царем, и царь явно держит их сторону. Па себя только надейтесь, на крепость рук своих: заострите топоры, да за дело —

отменяйте крепостное право, по словам царя, снизу! За дело, ребята, будет ждаться да мыкать горе; давно уже ждете, а чего дождались?..»*.

В «Письме к редактору» (как и в «Письме из Петербурга») звучит призыв к Герцену: «Напрасно сохранять еще веру в Александра II. Как ни тяжело сознаться в своей ошибке, но полно ребячиться, теперь не до того». Автор доказывает издателям «Колокола», что крестьяне никак не удовлетворятся той «мнимой свободой», которую правительство жалуется им.

В письме прямо говорится, что царю нельзя не бояться 12 миллионов крестьян; это не шавки-дворяне, которым брось вместо косточки ордена да чины и они уgomонятся, а с крестьянами не сладить, если даешь им меньше, чем обещал, — «их революция перевернет все вверх дном». «У нас ежеминутно слышим: крестьяне наши — бараны! Да, бараны они до первого Пугача. Баранами они были, пока не давали им никакой надежды на освобождение; не то будет теперь, когда им обещали свободу да потом только по губам помазали. Бараны не стали бы волками! Войском не осилишь этих волков!».

Как и в «Письме из Петербурга», Герцена призывали подумать над этим.

Герцен ответил через месяц. 1 ноября 1858 г. он поместил в л. 27 «Колокола» заметку «Нас упрекают», в которой одновременно полемизировал со своими критиками как слева, так и справа.

«Нас упрекают либеральные консерваторы, — писал Герцен, касаясь частного письма Чичерина от 11 октября 1858 г., — в том, что мы слишком нападаем на правительство, выражаемся резко, бранимся крупно. Нас упрекают свирепо красные демократы <то есть авторы „Письма из Петербурга“ и „Письма к редактору“>, что мы мирволим Александру II, хвалим его, когда он делает что-нибудь хорошее, и верим, что он хочет освобождения крестьян <...> Нас упрекают прямолинейные доктринеры в легкомыслии и шаткости, оттого, что мы зимой жалуемся на холод, а летом, совсем напротив, — на жар» (IX, 361). На эти обвинения он и нашел нужным ответить.

Признавая последовательность необходимым условием всякой пропаганды, Герцен заявляет, что быть последовательным можно тогда, когда имеешь дело с последовательным противником. «Трудно ли было быть последовательным во время прошлого царствования? Но мы этого *единства* не находим в действиях Александра II: он то является освободителем крестьян, реформатором, то <...> грозит растоптать едва восходящие ростки <...> Шаткость в правительстве отразилась в наших статьях» (там же, 362).

«Освобождение крестьян с землею — один из главных и существенных вопросов для России и для нас, — пишет далее Герцен. — Будет ли это освобождение „сверху или снизу“, — мы будем за него! Освободят ли крестьянские комитеты, составленные из заклятых врагов освобождения, — мы благословим их искренно от души. Освободят ли крестьяне себя от комитетов, во-первых, а потом от всех избирателей в комитеты — мы первые поздравим их братски и также от души. Прикажет ли, наконец, государь отобрать имения у крамольной аристократии, а ее выслать... ну, хоть куда-нибудь на Амур к Муравьеву, мы столько же от души скажем: „Быть по сему“» (там же, 363).

* В сообщении «К вопросу об авторе письма „Русского человека“ в „Колоколе“ А. И. Герцена» («Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, 1951, № 2, стр. 180—181) нами было указано на забытое свидетельство неизвестного мемуариста, опубликованное в нелегальном сборнике «Социальный вопрос» (Казань, 1888). В сборнике говорилось, что Добролюбов верил только в «мужичкий топор» и призывал этот топор «как единого спасителя из дребней либеральной болтовни» (стр. 107). Однако свидетельство было нами неправомерно отнесено к призыву «к топору» в письме «Русского человека». Как мы видим, призывы к топору звучали уже в 1858 г. в «Письме из Петербурга» и «Письме к редактору».

Герцен подчеркивает, что он отказывается от «доктрины», поддерживая любой способ освобождения крестьян с землей, и заканчивает статью вышадом по адресу «доктринеров». Они, спокойно сидящие в сторожках на берегу, кричат ему «правее» или «левее». «Мы желали бы, чтоб и они не забывали, что им легче делать наблюдения над силой волн и слабостью пловцов, нежели нам плыть... и притом так далеко от берега<...>

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

Фотография 1859 г. Экземпляр, принадлежавший студенту Московского университета Кривцову в 1862—1866 гг.

Исторический музей, Москва

Доктринеры счастливы, они не увлекаются и... *не увлекают других* (там же).

В заметке «Нас упрекают» Герцен отвечал одновременно, как упомянуто, и на «Письмо из Петербурга». Автор его призывал Герцена не увлекаться и спрашивал: «Не крестьянское ли дело вас обезоружило? <...> Оставьте этому делу идти своей дорогой, оно не только не мешает вам идти своим путем, напротив, по существу дела того требует», т. е. пусть правительство запутается в эквилибристике различных крепостнических проектов — это скорее вызовет революцию. Следовательно, Герценом оба письма воспринимались как единая попытка «прокричать» ему необходимость

держаться «левее». Авторы обоих писем считали, что правительство способно дать народу только «мнимую свободу», что Александру II чужда мысль об освобождении крестьян с землей. Герцен же не терял еще надежды на царя и обвинял «доктринеров» в том, что они ничего не делают для освобождения крестьян — «не увлекаются», спокойно сидят «в сторожках на берегу», наблюдая за пловцами.

Оба эти письма и заметка Герцена «Нас упрекают» послужили поводом для нового, на этот раз публичного, выступления Б. Н. Чичерина, обрушившегося на «Колокол» от имени либералов. Его статью Герцен напечатал под заголовком «Обвинительный акт» в л. 29 «Колокола» (от 1 декабря 1858 г.). Редакции «Колокола» ставилось в вину опубликование писем с призывом «к топору». Чичерин пытался обезвредить демократические и революционные тенденции «Колокола» (подробно см. в «Лит. наследстве», т. 61, 1953, стр. 248—250 и в настоящем томе, стр. 209—219).

В ответ на «Обвинительный акт» Герцен получил много писем с выражением одобрения и поддержки его позиции, но наряду с этим были и письма, в которых выражалась солидарность с Чичериным.

Один из сторонников Чичерина (А. Спартанский) писал Герцену, что «язвы нашего отечества <...> безумно лечить топором крестьянина» («Колокол», л. 32-33 от 1 января 1859 г., стр. 265).

Важно подчеркнуть, что, публикуя статью Чичерина, Герцен отмечал в «Колоколе», что она существенно отличается от опубликованных ранее в «Колоколе» писем с призывом к топору. «В тех был дружеский упрек и тот дружеский гнев, в негодовании которого звучала знакомо и приветливо родная струна», те письма были «писаны с нашей стороны», в них «в самых несогласиях и упреках было сочувствие» (IX, 405). Следовательно, в разгоревшейся борьбе революционных демократов и либералов вокруг «Колокола» сам Герцен считал, что он выступает на стороне первых.

Вслед за статьей Чичерина Герцен получил еще одно письмо, в котором его упрекали за напечатание «Письма к редактору» с призывом «к топору».

Герцен вновь счел нужным ответить. В заметке «Опять объяснение» он просил отличать его от корреспондентов. Но, соглашаясь, что «некоторые выражения в упомянутом письме слишком резки и страстны», Герцен писал: «Источник негодования у автора так благороден и понятен, что я сочувствую ему» (IX, 497).

С «Письмом из Петербурга» и «Письмом к редактору» перекликается известное «Письмо из провинции», напечатанное в л. 64 «Колокола» полтора года спустя — 1 марта 1860 г. — за подписью «Русский человек». Там проводилась та же мысль, что не Герцену поддерживать веру в добрые намерения царей, что только топор может сласти Россию и что долг Герцена — звать Русь «к топору». «Эту мысль уже вам, кажется, высказывали...», — говорилось в письме «Русского человека», и в этом нельзя не видеть напоминания о «Письме из Петербурга» и «Письме к редактору» (некоторые исследователи необоснованно видят в этом напоминание о лондонской встрече Чернышевского с Герценом — см., например, Собрание сочинений Н. Г. Чернышевского, т. VII, стр. 1053).

«Письмо из Петербурга» и «Письмо к редактору» 1858 г., как и позднейшее «Письмо из провинции» 1860 г., следует рассматривать, учитывая расстановку борющихся тогда в России общественно-политических сил. Все три документа подвергали критике отступления Герцена и Огарева от демократизма, выражали стремление помочь им преодолеть либеральные иллюзии и колебания, имели целью превратить «Колокол» в последовательно революционный орган, зовущий Русь «к топору» — к крестьянской революции.

Для решения вопроса об авторстве «Письма к редактору» и «Письма из Петербурга» нет объективных документальных данных.

Однако текст «писем» дает некоторый материал для характеристики их авторов. Прежде всего, это люди, испытавшие определенное влияние «Колокола», его активные корреспонденты. В первом письме говорится о ранее отправленных в «Колокол» корреспонденциях, почему-то не напечатанных или напечатанных не полностью; во втором письме уточняются сведения о Ланском, ранее сообщенные Герцену автором письма.

В то же время важно подчеркнуть, что в период наибольших отступлений Герцена к либерализму авторы обоих писем стояли на более последовательных демократических позициях; они были, говоря словами В. И. Ленина, «тысячу раз правы», когда упрекали редакцию «Колокола» за эти отступления. Эта критика помогла Герцену и Огареву в 1861 г. поднять знамя революции.

Следует отметить, что «Письмо из Петербурга» и «Письмо к редактору» принадлежат, несомненно, разным авторам. Об этом свидетельствуют расхождения между обоими документами по некоторым существенным пунктам. Первое письмо начинается с резких упреков Герцену, начало второго письма Герцен при напечатании опустил как «слишком лестное для нас и нашей деятельности». Автор «Письма из Петербурга» все свои упреки направлял Герцену; автор же «Письма к редактору» сознается и в своей собственной ошибке: он сохранял веру в Александра II, в его способность «многое сделать», и надеялся на возможность переворота «мирно, без крови».

В своем отношении к Александру II автор «Письма к редактору» ближе к Герцену, чем к автору «Письма из Петербурга». Он не вполне еще освободился из-под власти либеральных представлений, и тот факт, что Александр II не пошел в крестьянском вопросе более решительным путем, пытался объяснить влиянием на царя его советников. С либеральной точки зрения оценивает автор письма деятельность Ланского. Кстати, и автор «Письма из Петербурга» также попадает в зависимость от либерализма, когда пытается объяснить неудовлетворительный, с его точки зрения, ход подготовки крестьянской реформы отсутствием у правительства «могучей воли» тем, что оно «закоснело в неспособности».

Однако, несмотря на это, позиции авторов обоих документов, как и автора «Письма из провинции» 1860 г., более демократически последовательны, чем позиция «Колокола» в это время.

«Письмо к редактору» содержит указание, наводящее на мысль, что автор письма — офицер: «Перенес бы я вас сюда, в казармы, в лагерь, на парад, на ученье, дал бы вам потолкаться между солдатами, прислушаться к их речам...». В то же время он ссылается на свое «очень хорошее» знание канцелярских форм, он широко осведомлен в различных вопросах внутренней политики, имеет доступ к секретной переписке. Это дает возможность высказать предположение, что автора «Письма к редактору» следует искать среди передовых людей из числа высших офицеров, которые группировались в 1858 г. вокруг «Военного сборника», редактировавшегося Чернышевским. Не исключена возможность, что автор — один из «коллекции хороших офицеров», которую в конце 1858 г. Добролюбов хотел показать И. И. Бордюгову («Материалы для биографии Н. А. Добролюбова». М., 1890, стр. 495).

Идейное влияние «Современника» на авторов «Письма из Петербурга» и «Письма к редактору» несомненно. В то же время отмеченные выше отдельные либеральные срывы и непосредственность, имеющиеся в обоих документах, ставят под сомнение непосредственную причастность руководителей «Современника» к их появлению.

Таковы некоторые предположения о круге передовых людей, из которого вышли оба письма.